

ЯРОСЛАВ БАБКИН

ЧЕЛОВЕК В ШЛЯПЕ В СТРАНЕ КСАНАД

Ярослав Бабкин
Человек в шляпе
в стране Ксанад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305560

ISBN 9785448391460

Аннотация

Действие романа происходит в альтернативной реальности середины 30-х годов XX века. Доцент Танкред Бронн приходит в себя в центре Азии и обнаруживает, что ничего не помнит о событиях последних месяцев, в то время, как местные власти всю разыскивают его как похитителя наследницы престола. Танкреду ничего не остаётся, как отправиться на поиски принцессы и собственных воспоминаний. Удастся ли ему восстановить своё честное имя и выяснить, что же с ним случилось?

Содержание

Пролог	5
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	29
Глава четвёртая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Человек в шляпе в стране Ксанад

Ярослав Бабкин

Я одной девочке ногу пришил, целую ногу. А она в честь меня назвала своего хомячка. Всего лишь хомячок. А он коробку денег выбросил, и у него целый город.

© Ярослав Бабкин, 2017

ISBN 978-5-4483-9146-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Это было самое скверное пробуждение которое я помнил... Если я их, конечно, в этот момент помнил. Моя голова... Кто вообще этот тип в шапочке? И почему он тычет в меня стетоскопом и что-то бубнит?

– Как вас зовут?

– Кого? Меня?

– Именно. Вы помните, как вас зовут?

– Конечно помню... как я могу этого не помнить?

– И?

– А... – проклятье, я же только что помнил... моя голова... а, вот, – Бронн. Да, точно. Бронн. Танкред. Танкред Бронн. Доц... доцент. Я работаю в университете. В этом, как его... ну этом городе...

– Университете? Понятно. А здесь вы что делаете?

– Я? Что делаю? Здесь? – я огляделся, морщась от боли в затылке и шее, – понятия не имею. А я вообще где?

Глава первая

– Честно говоря, – он пододвинул мне тарелку, – я уж и не думал, что вы очнётесь. Вас довольно таки сильно приложило головой. И это не считая прочих травм. Не удивительно, что у вас амнезия.

– Я крепкий... – суп был вкусный и сытный, к тому же боль немного отступила, – значит, это вы меня подобрали, доктор Попов?

– Нет. Мой ассистент Зильбер. Очень талантливый молодой человек. Прекрасный эпидемиолог. Они с выездной группой возвращались с западной противочумной станции, когда проводник заметил вас в том овраге возле брошенного посёлка. Считайте, что вам сильно повезло. Следующий выезд только через месяц, а места здесь глухие. Посёлок у Чистого Ручья старатели уже лет десять как забросили – золота не стало, да и слава у тех мест дурная. Сейчас там мало кого встретишь. Разве кто из кочевых джунгар бы вас подобрал. Но и они нечасто там проходят. Так что вашу с Зильбером встречу, смело можете отмечать как второй день рождения. Даже записать в календарь. Это было два дня назад, во вторник.

– Был вторник? – не слишком уверенно поинтересовался я.

– Определённо это был вторник. А какое сегодня число

вы помните?

– М-м-м... десятое?

– Шестнадцатое. Но ничего. Сотрясение мозга почти всегда сопровождается подобными синдромами.

– Вы меня страшно обрадовали, доктор.

Врач усмехнулся. Потом поправил пенсне и спросил.

– Вы воевали?

– Почему вы спрашиваете?

– Я врач. И немного разбираюсь в шрамах.

– А может это был несчастный случай на охоте?

– Осколочный? С гаубицей охотились?

– Ваша взяла. Было дело. Много лет назад. Валахия и Курдистан.

– Что ж. Это Вы помните. Уже хорошо. У вас были контузии?

– Пару раз. Небольшие. Ещё газами травило.

– Ясно. Русский язык вы там выучили?

– А... – только тут до меня дошло, что вся беседа велась на русском, – ммм... почти. То есть потом. Когда... в общем можете считать, что да.

– Плен? Нет, вы можете не говорить. Просто чем больше вы помните, тем лучше. Способность говорить на иностранном языке также указывает на вполне удовлетворительное состояние вашего мозга.

– Я понимаю. Да, в той войне нам повезло меньше чем вам. Но дело прошлое.

Он понимающе кивнул. Я поднял взгляд от тарелки с супом.

– А вы, доктор? Вы воевали?

Попов задумчиво снял и протёр салфеткой пенсне.

– Мы все воевали. Это была большая война. К счастью она уже закончилась.

Он вернул пенсне на переносицу, и пододвинул мне вазочку.

– Хотите мармелада? В этих местах его практически невозможно достать. Посылка от коллег из Петербурга.

– Обожаю сладкое, – я стал намазывать мармелад на кусочек хлеба, – когда вы меня нашли, я был совсем плох?

– Если быть откровенным – да. Вы бредили. Даже не представляю, кто мог подобное с вами сделать и почему...

– Бредил? Я что-то говорил? Особенное? Что могло бы подсказать как я сюда попал?

– Чего вы только не говорили. Многого я вообще не понял. В целом симптоматика для сотрясения мозга была не очень обычная, я бы даже сказал немного странная, да и травмы на первый взгляд выглядели не такими уж тяжелыми, но, увы, медицина пока ещё не полностью сведуща в тонкостях устройства человеческого разума. А бред. Ну вряд ли из этого бреда можно установить какие-то определённые детали... кхм... да. Вряд ли. Нет. Ничего такого вы не говорили. Обычный бред.

Его взгляд на мгновение скользнул в сторону. Я просле-

дил за ним. На комодe, в аляповатой металлической раме, стояла черно-белая парадная фотография. Восточного типа благообразный мужчина в богатом мундире с орденами и лентой восседал на стуле в кругу семьи. Молоденькая девушка справа – видимо его дочь. Женщина у левого плеча... женщина... это лицо...

– Имя, звание, часть.

– Ядрушек, Карел, десятник, 2-я рота 12-го Богемско-баварского полка...

– Направо, следующий.

– Лефлер, Ганс, рядовой, 3-я рота, 28-й Штирийский...

– Направо, следующий.

– Палфалви, Дьёрдь, гонвед, 5-я рота 134-го полка...

– Направо, следующий.

– Бронн, Танкред, взводный унтер, 3-я ударная рота, 7-й штурмовой батальон...

Урядник-писарь отрывает взгляд от бумаги.

– Штурмовой? Налево...

Спиной чувствую его взгляд.

– ... следующий.

– Пьянчини, Джузеппе, 9-й кавалерийский Неаполитанский... лейтенант...

– Налево, след...

– Бронн! Господин Бронн! Вам плохо?

– М-м-м... – где я, что происходит?

– Вы едва не потеряли сознание. Я подумал, что...

– Нет. Всё в порядке. Просто... просто воспоминания.

– Вы что-то вспомнили?

– Нет. Ничего существенного. Дела давно минувшие.

– Возможно это последствие удара. Сцепление воспоминаний... По-видимому, не стоило давать вам вставать с постели так рано. Вам нужно прилечь. Думаю, ещё пара дней постельного режима, и всё будет нормально. Вот так, осторожно, поднимаемся со стула. Голова не кружится?

– Ещё как кружится.

– Это нормально. Главное соблюдать покой и избегать каких-либо резких движений, особенно головой. Что там, Катя?

На пороге миловидная девушка чуть восточной внешности в белом фартуке и чепчике.

– К вам господин хуранда.

– Вы разве не видите, я занят...

Девушка попыталась что-то сказать, но на веранду уже вошли несколько человек в основательно запylённых мундирах.

Придерживая меня одной рукой за плечо, доктор Попов второй огладил причёску.

– Чем обязан визиту уважаемого кэшика?

– Небольшая проверка, доктор. Я смотрю, вы его уже нашли.

– Это вы обо мне? – я попытался сфокусироваться на лице главного.

– Именно.

Его улыбка мне не понравилась сразу. Точно помню, что это было ещё до того, как он вlepил мне кулаком в челюсть...

Падая, я успел расслышать пронзительный визг медсестры и возмущённый крик доктора.

– Как вы смеете...

– Поднимите его, – распорядился главный, и добавил уже доктору, – прошу прощения за стул. Кажется, он его сломал, когда падал...

Двое в мундирах привели меня в вертикальное положение напротив офицера. Тот внимательно осматривал затянутый в перчатку кулак. На его лайковой поверхности блестели алые капельки. Я попытался оценить, на месте ли ещё мои зубы.

– Извините, полковник Чон... – начал доктор.

– Хуранда Чон, – мягко поправил его офицер.

– ...да-да, я именно это и хотел сказать, но несмотря на вашу должность, вы всё равно не имеете ни малейшего права врываться на мой пост и избивать моих больных!

– Только если эти больные не являются государственными преступниками, доктор.

– Но...

Полковник развернулся ко мне, и я понял, что сейчас я опять что-нибудь сломаю. И мне чудовищно повезёт, если

это будет только мебель.

– Где она?! Что ты с ней сделал?

– К-кто?

Это определённо был неверный ответ с моей стороны...

– Поднимите его, – брезгливо сказал полковник.

– Он ничего не помнит, – покачал головой доктор, – у него амнезия... потеря памяти.

– Я в курсе, что означает слово «амнезия», – поморщился Чон, – и поверьте, располагаю огромным опытом её практического лечения. Вы даже не представляете, сколько людей моими стараниями исцелились от отсутствия воспоминаний о том, что они сделали...

– Катя, выйдите отсюда, срочно, – неожиданно резко прикрикнул доктор на всхлипывающую медсестру, и вполголоса добавил, – вам незачем это видеть.

Полковник снова посмотрел на меня. Его тёмно-карие раскосые глаза чуть сощурились.

– Я повторяю свой вопрос. Где она?

– Б-боюсь, что м-мне п-придётся повторить свой ответ... кто?

– А он ещё и издевается...

Мир расплылся и зазвенел.

– ...вам сотый раз говорю, у него амнезия. Ещё пара ударов по голове и вам придётся иметь дело со слабоумным!

– Доктор, не мешайте мне делать мою работу...

– Стойте! Кажется, он приходит в себя. Прошу вас, госпо-

дин полковник, будьте благоразумны.

– Вы даже не поверите, до какой степени я сейчас благо-
разумен и сдержан, доктор. Поднимите его!

– Господин Бронн, если вы что-то помните, лучше скажи-
те ему сейчас. Поверьте, он не остановится.

– Н... не помню. Ничего не помню...

– Не отпирайся! Что ты с ней сделал?

– С... с кем, чёрт побери? Если... умм... если вы уж так
твёрдо решили окончательно выбить из меня мозги, я могу
хотя бы уз-знать за что?

– С ней! – Чон выкинул руку в сторону стоявшей на ко-
моде фотографии, – с принцессой!

– Что-о-о?! Вы в своём уме?

– Полковник! Нет! Зачем! Ну вот... опять.

– Я выбью из него эту проклятую амнезию, доктор. Прямо
здесь. И он всё расскажет. Всё!

– Боюсь, что уже нет, поскольку пока вы выбили ему толь-
ко челюсть. Его придётся поместить в лазарет хотя бы на па-
ру дней.

– Два часа. Этого должно хватить, чтобы вы привели его
в транспортабельное состояние. Утром сюда придут кон-
вой и транспорт. А на ночь у нас есть камера...

– Вы не имеете права так обращаться с больными, полков-
ник! Я буду жаловаться консулу Саблину. Лично.

– Жалуйтесь. Но не забудьте уточнить, что речь идёт
о больном, похитившем наследницу престола. И хорошо, ес-

ли только похитившем. У вас два часа, доктор. Постарайтесь, чтобы к этому времени он смог говорить. У нас нет времени. Мы должны спасти принцессу.

Врач проводил людей в мундирах взглядом, и покачал головой.

– Катя! Скажите, чтобы готовили процедурную. Срочно. И принесите мне бинтов и чистой воды. И что-нибудь обезболивающее!

Камера – это было сильно сказано. Её роль выполняло пространство под верандой. Метр пыльного воздуха от земли до неструганых перекрытий, несколько столбов и решётка из досок в качестве стены. Если бы не наручники, приковывавшие меня к одному из столбов, возможно отсюда было бы легко сбежать. Правда, для этого я должен был как минимум быть в состоянии бегать.

– Господин Бронн, вы меня слышите?

– А?

– Тсс... говорите шёпотом.

– Это вы, доктор?

– Отлично, вы меня узнали. Это уже хорошо. Не шевелитесь, сейчас я вас отстегну...

– Спасибо, конечно, но почему?

– Не могу же оставить вас в руках этих людей? Они вас просто убьют. Вот, готово. Вы свободны.

– Вы нарушаете закон, доктор.

– Если я позволю им закончить начатое, я нарушу куда большее... ну... клятву Гиппократа, например... Осторожнее, здесь балка, пригнитесь. Вы можете идти?

– Кажется... по крайней мере попробую.

Я выбрался на свежий воздух, глубоко вдохнул, сделал шаг и чуть не упал. Доктор подхватил меня в последний момент.

– Осторожнее. Судя по всему, головокружения у вас не прошли?

– Похоже на то. А где полковник и его люди?

– Лёва... то есть доктор Зильбер развлекает их рассказами о прошлогодней вспышке чумы. Идёмте.

Мы заковыляли в темноту.

– Вы романтик, доктор, – пропыхтел я, – рисковать, спасая невинного человека...

– Ну, во-первых, я особо ничем не рискую. Я российский подданный, и они меня и пальцем тронуть побоятся. Тем более я хорошо знаком с консулом. Ещё по Москве. А во-вторых... – он замялся.

– Что?

– Когда вас подобрали, вы бредили.

– Да, вы уже говорили.

– В том числе вы бредили о принцессе...

– Я?

– Да. Пока я не вколол вам успокоительное, вы говорили почти непрерывно.

– Надеюсь, я ни в чём таком не признавался?

– Вы говорили, что куда-то опоздали, и она погибла. И одновременно, что должны её увезти, чтобы спасти, и что ей что-то угрожает. Называли имена. Принцессы. Её матери. Самого хана. Влиятельных хунтайджи. Ещё каких-то людей, которых я не знаю. Вы бредили, это совершенно точно. Но вы должны быть как-то связаны с принцессой и её исчезновением. И меня это пугает.

– Знали бы вы, доктор, как это меня пугает...

– Вы действительно ничего не помните?

Я покачал головой и тут же пожалел об этом – в глазах замерцали огоньки, а боль сверлом вкрутилась куда-то в позвоночник.

– Это ещё не всё, – вздохнул доктор, – Зильбер говорил, что их внимание привлекли какие-то вспышки. Будто кто-то сигнализировал зеркальцем. Они пошли на них, и нашли вас.

– Я подавал знаки?

– Боюсь, что вы тогда были не в состоянии этого сделать. Однако кроме вас в том овраге никого не было. Я не знаю, как это объяснить, но, если бы не это, вас бы ни за что не нашли.

– Час от часу не легче. Только мистики нам и не хватало...

– Мы уже пришли. Это Бугуш. Он отвезёт вас. К югу отсюда есть хурул. Монастырь. Ламы вас спрячут на какое-то время. Не думаю, что это полностью решит ваши осложнения, но, по крайней мере, у вас будет время немного приве-

сти в порядок голову и, может быть, вы что-то вспомните. А теперь попробуйте забраться на лошадь.

– Спасибо, доктор. Я ваш должник.

Доктор Попов на мгновение замялся, и добавил.

– Мне доводилось встречаться с её высочеством. Год назад, когда она вернулась из Шанхая и у нас была вспышка чумы. Она смелая и умная девушка. Я очень надеюсь, что с ней ничего не случилось, либо вы к этому не причастны. Потому что, если это не так, я буду очень жалеть о том, что сделал сегодня.

Глава вторая

Свежий воздух творит чудеса. Вместе с тибетской медициной. Не прошло и нескольких дней как я смог самостоятельно передвигаться по монастырю и даже отличать, какие части тела у меня не болят от тех, которые болят. Однако с памятью лучше не стало. Последнее, что я мог вспомнить был университет. В Европе. Пять или шесть месяцев назад. И всё. Потом дыра. Пустота. Ничего. Я ничего об этом не помню.

Как я попал сюда, почему за мной гоняется вся местная королевская рать и причём здесь наследная принцесса? Человек – существо общественное. Ему становится тяжело, если он не может доверять другим. Но я, чёрт подери, я не могу доверять даже самому себе. Я понятия не имею что творил в последние полгода. А судя по словам окружающих натворил я немало. Да, мне определённо необходимо выпить. Нет. Не выпить. Напиться. Интересно, у этих лам есть что-нибудь подходящее? А, вот кстати и один из них...

– Доброе утро, эмчи.

– Доброе. Как голова?

– Уже лучше. Кстати, у вас есть что-нибудь выпить?

Лама осудительно покачал головой.

– Алкоголь тебе сейчас не нужен.

– Ну хорошо. Что-нибудь способное дать мне забыться.

Уверен, тибетская медицина знакома с подобными средствами...

Лама удивлённо приподнял бровь.

– Ладно, ладно, сдаюсь. Просто у меня в голове дыра в полгода длиной. И это меня убивает. Мне срочно нужно чем-то её заткнуть.

– Это тебе не поможет. Сделанное уже совершено. Его не изменить. Важно лишь то, что ты будешь делать дальше.

– Вам легко говорить. Если я действительно её похитил, моё «дальше» будет весьма и весьма непродолжительным...

– У тебя впереди бесчисленное множество перерождений, мой друг. А чтобы помочь немного скрасить текущее, я принёс это.

– Газеты?

– Да. Вот здесь. Видишь. На фотографии. Определённо это ты. Вот тут, чуть сзади и правее остальных.

– Да уж, свою физиономию я ещё узнать могу. Но вот кто все эти люди?

Лама философски пожал жёлтыми шёлковыми плечами.

– Я её оставлю. Может тебе удастся что-нибудь понять из подписей.

Может быть. В любом случае хуже не будет. Итак, что же за событие позволило мне оказаться на страницах местной прессы?

На фото с полдюжины человек. В основном европейцы. Хорошо одеты. А вот и знакомый мундир. Полковник Чон.

Интересно. Очень интересно. Я стою в заднем ряду. Шляпа, пальто, чемодан. Вообще чемоданов в кадре много. А вот эта штука на заднем плане, похоже часть паровоза. Значит фото на вокзале или чём-то похожем. Видимо я только что приехал.

Я перевернул лист и посмотрел на дату. Восемнадцатое марта. Два месяца назад, почти день в день. А я здесь уже давно, оказывается.

Итак, что пишут об этом событии? Похоже, это вот здесь. Экспедиция северного исследовательского общества по обретению ведического наследия «Гипербора» прибывает в Новый Алмалык? Что за бред? Что ещё за ведическое наследие? Какое я могу иметь отношение к этим шамбалоискателям? Это же просто невысказано! Нет, я не сошёл с ума. Всеми этому должно быть простое логическое объяснение! Это фотомонтаж. Ретушь. Правильно. Это всё объясняет. Просто подделка. Меня там не было и быть не могло... Они просто хотят, чтобы я сошёл с ума. Это заговор. Они специально всё это подстроили. Я должен был знать. Они всё это подстроили. Нет, я точно должен напиться... чёртовы монахи.

Я отбросил газету и прошёлся по комнате. Подстроили? Но кто? Зачем? Причём здесь я? Нет. Немедленно возьми себя в руки. Это просто небольшая паранойя. Совсем небольшая. Крошечная. В конце концов последние дни я часто ударялся головой. Надо успокоиться. Глубоко вздохнуть и успо-

коиться. Вот так. Хорошо. Теперь можно сесть и подумать.

Первое. Сейчас я нахожусь в Джунгарии. Судя по фото в газете, я приехал сюда два месяца назад с экспедицией общества «Гипербора». Либо просто ехал в одном поезде и случайно попал на групповое фото. Хотя.

Я подобрал газету и ещё раз посмотрел. Нет, я не похож на случайного прохожего. Как это ни странно, но я должен иметь какое-то отношение к этим людям. Не самое лучшее начало, но хоть какое-то. Итак, что ещё я знаю?

Неделю назад меня подобрали в степи без сознания, со странным бредом, разбитой головой, кучей синяков и ссадин. И я буду не Танкред Бронн, если эти синяки и ссадины не достались мне в драке, а отнюдь не потому, что я упал с лошади.

Ещё меня разыскивают джунгарские жандармы за похищение наследной принцессы Санджирмы. Очень здорово. Ни разу не замечал за собой тяги похищать принцесс.

Нет. Ничего. Совершенно ничего разумного из этих кубиков сложить нельзя. Нужно подходить с другой стороны. Нужно вернуться в то время, которое я ещё помню и попытаться найти что-то там. Что ж будем вспоминать.

Осень Начало учебного года. Помню, я читал курс античных текстов. Яркие студенты были в том учебном году. Разные, но яркие. Особенно та сероглазая брюнетка, с ресницами... Кхм. Так. Что было потом? Ведь что-то же было? Что-то же должно было быть? Стоп. Минуту!

Я схватил газету и начал рассматривать фотографию. Точно. Я его знаю. Вот этого худощавого парня в первом ряду. Его зовут... его зовут... Чарли Линдон его зовут. Но откуда я это знаю? Хороший вопрос, чёрт подери.

Бальный зал. Приём. За окнами падает снег. Университетский рождественский вечер. Фраки, мундиры, ордена. По случаю юбилея правового факультета университетское руководство пригласило всех патронов и меценатов, каких смогло уговорить. И сделало вечеринку томным и унылым светским приёмом. Но хватит о грустном.

Семестр закончен и можно подумать о продолжении работы над книгой. Хотя это брюнетка с серыми глазами, скорее всего, придёт на передачу. Специально. Она ведь отлично могла сдать всё и с первого раза. Студентки...

– Добрый вечер, доцент Бронн, как ваша работа?

– О, спасибо, Гюнтер, просто отлично. Думаю весной отправить в издательство.

– Может его, наконец-то, сделают профессором, Гюнтер.

– Он давно это заслужил, фрау Эрика.

– Осталось только его самого в этом убедить.

– При одной мысли, что меня будут называть «профессор Бронн» я старею лет на десять.

– Это уже лишнее, Тан. Не торопись.

– Должность обязывает. Для неё мне придётся срочно отрастить бороду, лысину и пузо. Ну подумай сам, кто может

серьёзно воспринимать профессора с таким лицом и репутацией как у меня?

– Я буду, Тан.

– В тебе, Эрика, я никогда не сомневался, но подумай о студентах.

– Ты хочешь сказать «студентках»?

– Эрика!

– Не отпирайся, Тан. Я видела, как она на тебя пялилась.

– Кстати, господин Бронн, вас тут искал кто-то из гостей.

– Кто?

– Некто Чарльз Линдон. Из Манчестера.

– Я его знаю?

– Думаю, нет. Кажется, он какой-то мистик. Или теософ.

Не знаю точно.

– Что здесь делает теософ, Тан?!

– Понятия не имею дорогая, видимо затесался со спонсорами.

– И куда только катится мир. Ещё немного и они начнут давать учёные степени медиумам...

– Ладно. Где это мистик?

– Вон там. У физиков.

– Ну он попал... Придётся спасать. В конце концов, чело-
веколюбие мне не чуждо. А ты можешь пока разыскать Ли-
зель Пао, кажется она была где-то среди студенческой деле-
гации. Уверен, девушка будет сама не своя, если ей очеред-
ной раз не удастся выразить нам свою признательность за то,

что мы устроили её в университет.

Я пересёк зал и добрался до плотного кружка профессоров факультета теоретической физики. Несмотря на бурные споры, учёные мужи засекли меня ещё на дальних подступах.

– А вот и наши гуманитарии... Привет, Танкред.

– Приветствую, Вернер. Смотрю, все ваши в сборе. Вальтер, Клаус, господин фон Лауэ, и даже наш гость из солнечной Италии. Приятного вечера.

– Решили поговорить об элементарном, господин Бронн?

– Ну что вы. Мне бы с древнегреческим разобраться. Хочу похитить у вас нашего английского гостя. Ну и, естественно, поздравить Энрико с заслуженной наградой...

Обменявшись любезностями и закончив со светской частью беседы, я отвёл англичанина чуть в сторону. Тот рассыпался в благодарностях.

– Вы, наверное, доцент Бронн? Я много о вас слышал. А ваша находка останков экспедиции Роллингса на Тобелане... Бедная вдова. Вы очень много сделали для меня и моих коллег, мистер Бронн.

– Спасибо на добром слове. Вы, полагаю, Чарльз Линдон?

– О, да. Конечно. Прошу прощения в этой суматохе я совсем забыл представиться. Всё произошло так быстро. На самом деле я искал вас.

– Мне передали. Чем я могу быть вам полезен?

– Ну... вы уже вытащили меня из общества физиков.

– Не мог же я бросить вас им на расправу. Вряд ли вам удалось бы впечатлить их рассуждениями о санскритской литературе.

– Не скажите. Знание древних велико и способно поразить любое воображение. Помните как там, в Махабхарате, писалось «ярче тысячи солнц». Прекрасный образ.

– Да уж. Но он совсем не о физиках. Однако, полагаю, у вас был и какой-то другой интерес.

– Несомненно. Нас заинтересовали ваши статьи по древним языкам центральной Азии. Тохарский, уйгурский, западно-монгольские диалекты.

– Это не совсем мой профиль. И кого именно «вас»?

– Общество «Гипербора».

– Это, кажется, собиратели ведического наследия? Крайне сомневаюсь, что могу быть хоть чем-то вам полезен.

– Вы совершенно правы... то есть да, мы собиратели.

Но вот насчёт пользы.

– И что насчёт пользы?

– Мы собираемся организовать большую экспедицию в Центральную Азию. Находки целых библиотек в оазисах Тарима и южного Тянь-Шаня, равно как и последние работы Ивана Тимофеевича Беляева, убеждают нас в возможности отыскать в этой части Азии новые, не исключено даже уникальные, рукописи ведийского и раннебуддийского периода. Мы планируем расширить поиск на более северные районы, вплоть до Курбантонгутской пустыни, которые пока

ещё не привлекали внимания других исследователей. Не верю, чтобы вам это не было интересно.

– Интересно. Но меня весьма смущают методы и цели вашего общества.

– Чем же. Мы, также как и вы, пребываем в вечных поисках истины.

– Нет. Вы ошибаетесь. Археология ищет не истину. Она ищет факты. Именно в этом и заключается наше с вами различие. Кроме того, как бы мне ни хотелось принять участие в экспедиции в Джунгарию, но, увы, сейчас это решительно невозможно. Мне необходимо закончить монографию по надписям селевкидской эпохи.

– Какая жалость. Я так надеялся, что моё предложение сможет вас заинтересовать.

– Боюсь, что нет. Но приятно было поговорить.

– Что ж. Но всё же имейте в виду, что наше предложение остаётся в силе. Если что – мы готовы оплатить поездку и ваше пребывание на месте.

– Общество «Гипербора» так состоятельно, что может позволить себе настолько масштабную благотворительность?

– Мы многое готовы отдать ради истины, – он улыбнулся, – но в данном случае всё объясняется проще. Наша организация уже год как находится под личным патронажем сэра Освальда Мосли.

– Что ж – патронаж секретаря Форин-Оффис это суще-

ственно.

– Скорее сэра и баронета. Аристократы любят быть рядом с тем, что, что модно в кругу их друзей и знакомых. Столь родовитый покровитель способен привлечь к нам внимание многих влиятельных людей. Да и что скрывать – спонсоров тоже. Наш мир слишком материален, чтобы мы могли забывать о такой презренной сущности как деньги.

– Полагаю, что его пост в кабинете куда более весом, нежели его титул.

– Никоим образом. Мы не занимаемся политикой. Только поисками истины. Нас интересует вечное, а не сиюминутное. Так что, если всё-таки соберётесь, смело считайте нашу поддержку искренним подарком и благодарностью за ваши находки на Тобелане, а не подкупом.

Чарльз Линдон иронично улыбнулся, отсалютовав на прощание двумя пальцами.

Вечер, не смотря на светскость и томность, оказался выматывающим. Не люблю фраки и официальные спичи. Первые мне обычно жмут, а вторые нагоняют сон и вызывают обиду за впустую потраченное время. К тому же дома нас ждал ворох неразобранной почты. Рождество и Новый год на носу. Так что я был несказанно счастлив, когда смог водрузить шляпу на любимую вешалку в собственной прихожей, а фрак самым вульгарным образом бросить на диван.

– Интересное письмо, – Эрика повертела в руках один

из конвертов, – и давно ты получаешь дипломатическую почту?

– Что за ерунду ты говоришь?

Я взял у неё из рук плотный коричневый конверт. На нём действительно стоял дипломатический штемпель Джунгарии. Я распечатал конверт и достал письмо. От него едва заметно пахло духами.

– Мне кажется, – нахмурилась Эрика, – это от женщины.

– Хуже того, – пробормотал я, – это от королевы...

Глава третья

Эрика удивлённо покачала головой

– Никогда бы не подумала, что у тебя могут быть ТАКИЕ знакомства. Твоё прошлое куда насыщеннее, чем мне всегда казалось.

– Между прочим, у кого-то, не буду показывать пальцем, в друзьях тоже оказался некий трансильванский граф, – парировал я, продолжая вертеть в руках конверт.

– Подумаешь, граф. Не королева же.

– Ну, Эрика. Семнадцать лет прошло. Тогда она ещё не была никакой джунгарской королевой. Всего лишь обычной русской княжной...

– Обычной русской княжной. Конечно. Как же я не подумала. Они ведь просто на каждом углу встречаются, эти русские княжны. Как мухи. А особенно часто на них натыкаются военнопленные.

– Ладно, ладно. Просто необычное стечение обстоятельств. С каждым может случиться.

– Может с каждым. Но с тобой, Танкред, подобные стечения обстоятельств отчего-то случаются едва ли не постоянно.

– Не ты ли как-то жаловалась, что мы ведём скучную и обывательскую жизнь?

Эрика сделала вид, что не заметила иронии и спросила.

– И что нужно от тебя сей коронованной особе?

– Её величество желает узнать, не могу ли я оказать ей честь помочь в обучении её дочери иностранным языкам и истории... кстати за довольно неплохое жалование.

– Дочери? Она решила, что ты школьный учитель?

– Ей шестнадцать. В смысле дочери. Хотя не думаю, что им сложно устроить девочку в любой университет какой им захочется.

Эрика задумалась.

– Шестнадцать... Сколько ты, говоришь, прошло лет с тех пор как ты встретил её мать?

– Семн... Но... Ты же не думаешь?

Я глянул в лицо Эрике и понял, что вот именно это она и думает.

– Нет. Нет. Погоди. Сейчас, – я судорожно начал рыться в конверте.

– Что ты надеешься там найти? – мрачно поинтересовалась Эрика, – свидетельство о рождении?

– Лучше. Фотографию. Вот.

Я протянул Эрике фотокарточку.

– Это принцесса Санджирма.

Эрика покрутила в руках снимок, разглядывая улыбающееся скуластое лицо девушки.

– Очаровательная джунгарская княжна. И что ты мне этим хочешь доказать?

– Именно. Джунгарская. А её мать – русская.

– И?

– Я настолько похож на монгола, чтобы у нас была такая очаровательная джунгарская дочь?

– Убедил, – Эрика вернула мне фото, – и что ты собираешься ей ответить?

Я замялся.

– Ну. Просто. Мне отчего-то кажется, что обучение это лишь повод. Она хочет мне что-то сообщить.

– Надеюсь не то, что у принцессы есть сестра...

– Не начинай.

– Ты же не поедешь?

– Я... Я не знаю. Наверное, лучше будет съездить, пока каникулы, выяснить, в чём дело и вежливо отказаться. Ну или уговорить её направить принцессу в наш университет, я всё равно буду читать курс в весеннем семестре.

– А написать никак? – с надеждой спросила Эрика.

– Всё таки коронованная особа... Но мы можем поехать вместе! – я взглянул в лицо Эрике и добавил, – извини, это плохая идея.

– Все твои сегодняшние идеи до единой – не самые выдающиеся, – заверила она меня.

– Только туда и обратно. Должно быть что-то, из-за чего она обо мне вспомнила.

– Твой авантюризм, Танкред, рано или поздно тебя погубит. Ты действительно не знаешь, в чём может быть дело?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет. Даже понятия не имею. Это ведь семнадцать лет назад было!

Когда-нибудь я брошу врать...

– Пьянчини, Джузеппе, 9-й кавалерийский Неаполитанский... лейтенант...

– Налево, следующий.

За дверью пахнет миром. Цветущим садом, морем, едва заметно – нефтью от громоздящихся на окраине вышек. Тень листвы рябит на пыльном асфальте плаца. У ворот деловито стучит молотком усатый грузин сапожник, латающий обувь разомлевшему часовому. И никакого пороха, никаких выстрелов, никаких газов. Всё. Война кончилась. По крайней мере для нас.

Пленные щурятся от южного солнца, нестерпимо яркого после темноты барака, но не идут в тень, подставляя бледные небритые лица тёплому свету.

– Морской болезнью страдаете? – ухмыляется сидящий в тенёчке возле бочки с водой молодой караульный.

Я перестаю щуриться и отворачиваюсь от неба.

– Чем?

– Укачивает? – караульный облокотился щекой о поставленную между сапог винтовку, хитроватая улыбка морщит его облупленный на солнце конопатый нос.

– Нет... вроде.

– Ну, ну.

– Нас же по железячной дороге в дом повезут? – путаясь в непривычных русских словах спрашивает ефрейтор Хропачек.

– Как же... – караульный ехидно кивает на голубое зеркало моря – в Закаспийские лагеря поплывёте. Революция у вас.

Стройный аккуратный чиновник оглядывает запылённый строй у затерянного в степи полустанка.

– Солдаты! – у него хорошо поставленный адвокатский голос и безукоризненное произношение, – я представляю чрезвычайную комиссию по надзору Закаспийского округа. Мне доложили, что вы категорически отказываетесь от щедрого предложения нашего правительства.

Строй загудел выкриками:

– Вы не имеете права... это нарушение конвенции о военнопленных... вы не можете заставлять нас работать... обязаны вернуть нас домой... перемирие...

Конвойный казак с жёлтыми лампасами на сизых шароварах досадно сплёвывает в пыль.

Чиновник поднимает руку. Строй чуть затихает.

– Вы совершенно правы. Перемирие. Не мир. Революция потрясает Тройственную монархию, император Леопольд отрёкся и нам просто не с кем сейчас заключить мирный договор.

Толпа взрывается возмущёнными криками. Казаки под-

бираются, где-то клацает затвор. Седоусый вахмистр со вздохом качает головой и поворачивается к чиновнику.

– По краю ходите, Александр Фёдорович...

Тот лишь улыбается, заложив руки за спину, и ждёт. Погалдев, строй утихает. Чиновник делает полшага вперёд.

– Российское правительство никоим образом не желает задерживать вас, но пока не будет заключён полноценный мирный договор, вам придётся оставаться на нашей территории. Однако, чтобы облегчить ваше положение мы готовы дать вам работу. Оплачиваемую, замечу, работу. Все, кто примут участие в строительстве Трансвосточной магистрали, могут рассчитывать на получение жалования по нормативам, принятым для вольнонаёмных рабочих, а также и усиленного питания.

Снова крики и шум. Снова улыбка и ожидание.

– Мы никого не принуждаем. Кто не желает – может остаться в лагере. А добровольцы – шаг вперёд.

Вахмистр Кубелик подталкивает меня в плечо.

– Вызывайся, взводный...

– Что, вахмистр, никак оголодал совсем?

– Да чёрт с ним с пайком... Ты в бараке сидеть в потолок глядя – не озвереешь?

– Да уж выдержу как-нибудь...

– ... да и сбежать со стройки проще.

Я бросаю удивлённый взгляд на вахмистра и делаю шаг вперёд.

Равнина. Холмы. Земля, сквозь плоть которой выступают скальные кости. Низкая пожухлая трава. И пронзительный горный воздух, такой непривычный на почти ровном месте. В низинке тянется змеиным хребтом железнодорожное полотно. Рядом копошатся рабочие. Кто в гражданском, кто в заплётённой и выцветшей форме. Вахмистр Кубелик смотрит в густо аметистовое безоблачное небо над степью и затягивается папиросой.

– Не куришь, взводный?

– После газовой атаки – нет...

– Я договорился с Хольцки и капралом Болдини из второй бригады. С ними нас будет семеро.

– Не нравится мне эта затея. Голая степь. Как цыплят на дворе переловят.

– Южнее, на сопках, есть старые каменоломни и шахты. Там можно укрыться. До южной границы всего километров сто, а до восточной немногим больше. Уйдём в Коканд или Джунгарию, а там сразу в британское консульство. Англичане нам считай, что союзники, не выдадут. А там уже можно и домой. Или куда хошь. Весь мир открыт.

– Вот только эти сто километров надо как-то пройти.

– Отобъём коней у местных. Нужно лишь оружие. А верхами по степи... Я гусар или не гусар, в конце концов?

– Ты-то гусар. А я – пехота, – скептически разглядываю стоптанные и готовые в любой момент испустить дух им-

портные армейские ботинки, подарок британской короны воюющей Тройственной державе.

– Ну, жить захочешь, верхом поедешь. Сам понимаешь – мариновать нас здесь будут до второго пришествия господ нашего, – вахмистр вдруг набожно крестится, – и дело не в мирном договоре. Война там у нас. Гражданская. И каждый отпущенный здесь пленный – там солдат. А русским не нужны там лишние солдаты.

Я лишь молча оглядываю степь и перебрасываю колосок в другой угол рта.

Вахмистр Кубелик сладко потягивается, и добавляет.

– Сейчас самое время. Тигр вчера ещё одного киргиза в тугаях задрал. Конвойные теперь больше сами себя стерегут. К тому же на инспекцию путей какая-то важная шишка к нам заехала. Говорят, чуть ли не князь из Петербурга. Да ещё со всей семьёй. Так что почитай добрая половина казаков теперь не нас караулят, а смотрят, чтоб зверюга кем из вельможных гостей перекусить не вздумала. Другой такой удачи может уже не выпасть...

На склоне хрустят камни. Я снова передвигаю колосок по зубам, и мы с вахмистром поворачиваемся. Над бугром появляется разгорячённое красное лицо под сизой фуражкой с жёлтым околышем.

– Кончай гулять. Ваша смена.

Вахмистр бросает окурок, и мы не торопясь бредём вниз, к недостроенным путям, незавершённой работе и почти за-

конченным планам.

Ботинок всё ж таки лопнул. Теперь бултыхается по ноге, мешает бежать. Надо было не жадничать, купить у хитрюги Мольцкера новую пару. Ну и что, что на размер больше. Не меньше же. Лишнюю портянку накрутить...

Посвист и стук копыт уже ближе. Оглядываюсь. Догоняет. Лицо азартное и злое. И в руке не нагайка – шашка. Паршиво дело. Рубить будет. Чёртов Кубелик. «Никто и не заметит, все князя да княгиню с княжной охраняют, а кто не охраняет – тигру по тугаям ловят». Трепло. Если все там, то кто, скажите на милость, нас сейчас по степи гонит?

В бурьяне на склоне дыра, окаймлённая гнилыми досками. Каменоломни. Да! Кубелик – ты гений!

Как в омут, головой вперёд ныряю в полузаваленную дыру. Пыль, щебёнка, темнота. Отплёвываясь, качусь вниз, обдирая руки, Вроде слышен треск рвущегося сукна. Так, мундир тоже приказал долго жить. Над головой на секунду вспыхивает свет – видать второй ствол шахты – за ним снова темнота, пыль и камни. Поворот, ещё один. Дно.

Сверху голоса. Похоже, лезть им неохота. Ну и ладненько, ну и молодцы. Оружия у меня всё равно нет, но булыжников вокруг хватает, а может и кайло брошенное нащупаю.

Что-то с металлическим стуком катится вниз по стволу. Решили покидать в меня камни? Чёрт! Граната! Фронтальная привычка вжимает лицом в сухой каменистый пол. Он вздра-

гивает и наступает тишина.

Темнота вязкая и густая. Во рту противный известковый привкус. Ничего не видно, лишь прощупываются под руками камни. Блиндаж накрыло. Надо выкапываться. Наверху тихо, значит, обстрел закончился... Нужно надеть противогаз. Перед атакой обязательно будет газомётный залп. Он всегда бывает. Где мой противогаз. Почему у меня нет противогаза?

В голове что-то щёлкает и приходит осознание, что война кончилась. Плен. Лагерь. Трансвосточная железная дорога. Побег. Шахта. Граната. Они бросили вниз гранату. Но я выжил. Интересно, почему? Неважно.

Я наскоро пытаюсь себя ощупать. Тело саднит и болит считай везде, но это от бега и падения. Руки-ноги двигаются, дышать могу, кашля нет, крови особо не нащупывается. В голове лишь слегка звенит. Вроде цел. Ничего не вижу, но так шахта давно заброшена. Откуда здесь свету взяться? Стоп. У меня был коробок спичек.

Огонёк кажется почти нестерпимо ярким. Но это хорошо. Я могу видеть. Надо попробовать выбраться. Скорее всего они решили, что меня убило гранатой и ушли.

Выбираюсь за поворот и упираюсь в груды камней, из которых торчат обломки прогнившей крепи. Взрывом обвалило потолок. Скверно. Пламя обжигает пальцы, я с чертыханием выбрасываю спичку и трясусь в темноте рукой. Попро-

буем идти в другую сторону. Там вроде был туннель. Может он выведет на свет?

Если в итоге он и ведёт наружу, то очень не сразу. Бреду уже долго. Часто наощупь – стоит экономить спички. К счастью боковых штреков нет, так что сбиться с пути некуда. Хуже, что воды тоже нет. В шахте сухо и душно. Хочется пить. Не думал, что под этими пыльными, выжженными солнцем, холмами такие пещеры. Интересно, кто и когда их вырубил? Не монгольские же ханы?

Вспомнился Кольридж.

*Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный
Впадает в сонный океан.*

Не скажу про океан, но вот поток священный был бы весьма кстати. Или хотя бы просто ручеек. Да и лужа бы сошла.

Вдруг ощущаю, что и без спички могу что-то разглядеть. Поднимаю руку и шевелю пальцами. В полумраке движутся их чёрные силуэты. Ура. Похоже, я угадал. Туннель ведёт на свет.

Проход завален крупными обломками, но вполне можно протиснуться. Лучи падают отвесно сверху. Судя по всему, обвалилась часть туннельного свода, образовав идущий к поверхности узкий разлом. Приглядываюсь – вряд ли можно будет вылезти. Скверно.

– Не подходите, я буду стрелять!

После тишины подземелья голос кажется неожиданно пронзительным и громким. А может он и действительно такой высокий. В полумраке виднеется ствол и барабан, с медными рыльцами патронов. Карманный дамский револьвер. Его водит из стороны в сторону чуть не от стены до стены.

– Я не шучу!

Голос женский. Я поднимаю руки.

– Не стреляйте. Я безоружен.

– Это ничего не значит. Я знаю, что беглецы – штурмовики и гвардейцы. Самые отпетые. Головорезы. Вы же не думали, что я не узнаю ваш мундир?

Я окинул взглядом едва прикрывавшие меня изорванные, запылённые лохмотья неопределённого цвета.

– Честно говоря, это меня удивило... Я бы точно не узнал.

– Не пытайтесь заговорить мне зубы. Если что – я сразу стреляю!

Приглядываясь могу различить за револьвером забившуюся в угол фигурку в походном жакете с пробковым шлемом и юбке для верховой езды. Правая нога в высоком ботинке нелепо отброшена в сторону. Испуганное бледное лицо напоминает маску без губ, с одними широко раскрытыми глазами. Сжимающие револьвер руки дрожат и ходят ходуном. Если она в меня и попадёт – только случайно. Или рикошетом. Стрелять в заваленной камнями тесной пещере – не самая лучшая идея.

– Я так понимаю, вы сюда упали? – не опуская рук, киваю на пролом над головой.

– С чего вы взяли?

– Ну... а как ещё вы могли здесь оказаться?

– Просто... просто гуляю.

Я не сдержался и фыркнул.

– А что вы смеётесь?!

Девушка сперва нахмурилась, потом замолчала, и её саму стал разбирать смех.

– Перестаньте меня смешить, или я не смогу в вас попасть...

– В этом и заключался мой коварный замысел. Что у вас с ногой?

– Я... она... а с чего вы вообще взяли, что у меня что-то с ногой?

– Если бы с ней всё было нормально, не думаю, что вам было бы удобно так сидеть.

– Я... я её немного ушибла, – девушка чуть заметно прикусила губу.

– Боюсь, что вы могли её сломать. Если так – то вы поразительно мужественно держитесь.

– И что с того?

– Если вы уберёте револьвер, я мог бы попробовать помочь... Если что – меня зовут Танкред.

– Странное имя...

– Есть немного. Так как насчёт револьвера?

Девушка колебалась.

– А вы на меня не броситесь?

– Я похож на того, кто может броситься на раненую девушку?

Она скептически окинула взглядом мою помятую фигуру.

– Ещё как.

– Ну ладно. Тогда могу только пообещать, что бросаться не буду.

– Хорошо, – девушка уронила руки с револьвером и бес- сильно откинулась на каменную стену.

Нога была вывернута и рассечена чуть выше щиколотки. Стопу защитил жёсткий высокий ботинок. Я подобрал ва- лявшийся среди камней деревянный стек и начал отдирать полосу ткани от полы мундира.

– Что вы делаете?

– Шину, – я свернул в клубок импровизированный бинт, – и отложите подальше револьвер, пожалуйста.

– Это ещё зачем?

– Я попробую вправить. Это может быть очень больно. Вдруг вы случайно выстрелите...

– Бойтесь, я вас застрелю.

– Не боюсь. Но вот вторую ногу себе прострелите запросто...

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – она оттолкнула от се- бя оружие.

– «Я тоже надеюсь» – подумалось мне.

Дальше по проходу было ещё несколько провалов, поэтому идти было не так темно, как вначале.

– Кстати, меня зовут Вероника. Можно просто Ника...

– Странно, я думал будет Вера.

– Это было бы слишком банально...

– А вы любите оригинальность? И пожалуйста, держитесь крепче, но при этом старайтесь меня не задушить.

– Я стараюсь, но вы постоянно спотыкаетесь...

– Это возмутительно, но никто не нашел времени здесь подмести. Постоянно что-то попадает под ноги.

– Вы всегда такой многословный.

– Нет, только когда несу красивых молодых женщин.

– Я могу идти сама...

– Не можете.

– А вдруг это просто вывих?

– Может быть. Но идти по этим камням вы всё равно не сможете...

– А вы правда были... ну... этим?

– Отпетым головорезом?

– Нет. Гвардейцем.

– Не был. Я штурмовик.

Вероника замолчала.

– Надо сделать привал.

Она разжала руки и сползла на пол, охнув, когда зацепилась больной ногой.

– Я думала, вы гвардеец.

Я молча кивнул. Дыхания на ответ уже не хватало. Последние полчаса шахта шла на подъём.

– Вы такой галантный. Вы должны были быть именно гвардейцем, а не штурмовиком...

Я пожал плечами.

– А кем вы были до войны? – не унималась девушка.

– Студентом-неудачником.

– Я так и подумала...

– Что неудачником?

– Что студентом. А вы от природы такой язвительный?

Я понял, что действительно вёл себя уж слишком раздражённо. Понятное дело, с раненой девицей на руках о победе можно больше не думать. Но не мог же я её просто бросить? Или мог? Война меняет человека. Каждого. Просто никому не дано предугадать, как именно. Я видел, и как домашние, милые и глубоко интеллигентные мальчики превращались в умелых хладнокровных убийц, и как записные храбрцы бросались на дно окопа и цеплялись за всё подряд, только бы унтер не вытащил их за бруствер. А насколько изменился я? Во что превратился за проведённые на фронте годы бывший гимназист и завсегдашней школярных забав и приключений?

– Простите. Сейчас я передохну, и мы пойдём дальше. Судя по запаху скоро должен быть выход.

Вероника принюхалась.

– Это и есть «запах свободы»? Я бы сказала, что какой-то прямо-таки конюшной пахнет. Или хлебом.

– Не думаю. Просто какие-то звери. Но раз звери, значит, где-то недалеко есть выход.

– Ой! – Ника испуганно моргнула, – я забыла револьвер. Там, во время перевязки.

– Ну забыли, значит, забыли, – револьвер благополучно лежал у меня в кармане, но девушке совершенно обязательно было об этом знать.

– А вдруг это тигр? Тот самый? Людоед?

– Не думаю...

– Я слышала хищники любят прятаться в пещерах. Может и он где-то здесь таится.

Девушка испуганно огляделась, как будто ожидала увидеть тигра прямо вот тут, в тесном коридорчике.

– Тогда нам крупно не повезло.

– Если бы у нас был револьвер...

– Он бы нам не помог. Это игрушка. Тигра ею не убить. Беритесь мне за шею. Мы идём дальше.

Тигра этим револьвером действительно не убить. А вот человека можно. Особенно в упор. И если он этого не ожидает. Интересно во что же я всё-таки превратился?

Воздух стал свежее и, судя по пробивавшемуся откуда-то спереди едва заметному свету – выход действительно близко. Под ногами стали попадаться отдельные признаки жиз-

недеятельности неких организмов. К счастью мне пока удалось в них не наступать. Хуже были подозрения о том, какие именно организмы здесь жили.

– Я что-то слышу, – пробормотала Ника прямо над моим ухом.

– Спускайтесь и зажгите спичку.

Она послушно чиркнула. В проходе кто-то недовольно заурчал.

– Там кто-то есть!

Она выронила спичку и дрожащими руками зажгла вторую. Урчание приблизилось.

– Это тигр?!

Это было хуже. Это был медведь.

Шансы что-то сделать с огромным, крепким на рану зверем выстрелом из миниатюрного дамского револьвера – более чем призрачны. Разозлить разве. С другой стороны, шансы, что если ничего не делать, то всё обойдётся, ещё призрачнее. С третьей стороны, как утверждали прочитанные мною книги, схватив одну жертву, медведь забывает о других. Оставалось только выбрать, как поступить.

– Отползайте назад, я его задержу!

Обычно принято считать, что атакующий медведь встаёт на дыбы и громко ревёт. Ничего подобного. У нападающего зверя на редкость сосредоточенный и спокойный вид. Он ведь отлично знает, что намеревается сделать.

До него оставалась пара шагов, когда он дал мне шанс. Как

только розовая пасть с жёлтыми притупленными клыками распахнулась, я выстрелил в неё столько раз, сколько успел. А потом мохнатая туша сбила меня с ног и ударила о камни.

– Кто-нибудь помогите! Спасите!! На помощь!!!

У Ники был отличный голос. Далеко слышный. Наверное, даже сверху.

Я промычал что-то невразумительное.

Девушка перестала звать на помощь.

– Ты жив?!

– Кажется... Но эта туша довольно тяжёлая. А меня прилично приложило об пол. Ты не могла бы помочь мне выбраться?

– Ты не сказал, что подобрал мой револьвер...

– Ты не спрашивала...

– Обманщик!

– Попробуй отвалить в сторону эту лапу. На раз-два...

Выход был действительно рядом. Правда теперь хромал уже и я, поэтому добрались мы туда не сразу. Воздух снаружи был чист и дурманящ от запахов полыни и свободы.

– Смотрите! Вот они!!

– У него оружие!!!

– Скорее!

– Окружайте...

– Немедленно отпусти заложницу, негодяй!

– Брось револьвер!

– Она ранена!!

– Если он её хотя бы пальцем...

От яркого света я не мог толком понять, кто кричит и сколько их.

– Не стреляйте! – это уже была Ника, – не стреляйте!

Её не послушали. Кто-то из поисковой партии был неплохим стрелком. Я откачнулся и у меня перехватило дыхание.

– «Сквозное в грудь. Вот и всё. Хотя бы быстро».

– Не-е-ет! Что вы наделали?!

– Быстрее! Он ещё может в неё выстрелить...

– Кто-нибудь отберите у него оружие...

– Не смейте его трогать! Он меня спас! Да позовите же доктора!

А в этих местах на редкость красивое небо... а вот земля – жёсткая.

Врач посмотрел на градусник и отдал его сестре.

– Вы поразительно везучи, молодой человек.

– Не то слово... Пройти войну и получить пулю ни за что...

– Э, не берите в голову, – отмахнулся врач, – она не задела ничего важного, и что просто поразительно – у вас не развилось пневмонии! Вот это уж действительно везение. Да. И к вам гости.

– Вероника?

Она ещё прихрамывала и опиралась на палочку.

– Доктор сказал, что вы идёте на поправку. К счастью пуля задела лишь край лёгкого.

– У вашего друга верная рука и хороший глаз, но на моё счастье он слишком поторопился с выстрелом.

– Они решили, что вы меня похитили.

– Ничуть их не виню. В конце концов, что им ещё оставалось?

– Я ваша должница. Не думала, что выберусь оттуда живой.

– Мы квиты.

– Как? Я ничего не сделала, даже не смогла помешать им выстрелить!

– Вы сделали куда более важное. Благодаря вам я смог понять, во что превратился.

– О чём вы говорите?

– Не обращайтесь внимания. Просто я понял кое-что для меня очень важное. По сути это я ваш должник теперь.

– Как скажете. Но тогда имейте в виду, что если мне вдруг понадобится человек, способный меня защитить от самых страшных опасностей, я буду знать, к кому обратиться.

Она улыбнулась.

С тех пор прошло семнадцать лет.

Глава четвёртая

Консульский чиновник был молод, затянут в тщательно подогнанный по фигуре мундир цвета хаки и дежурную ничего никому не обещающую улыбку.

– Чем могу помочь? – спросил он практически без акцента.

Я молча протянул ему конверт. Чиновник с недоумением повертел его в руках, открыл, извлёк содержимое и начал читать. Пару секунд спустя где-то у него внутри сработала пружинка, буквально катапультировавшая его из-за стола в вертикальное положение. На секунду мне даже показалось, что дежурная улыбка при этом отделилась от его лица и на какие-то мгновения осталась висеть на прежнем месте.

Вытянувшись по струнке, чиновник молча зашевелил губами. Остановился. Снова зашевелил. С третьей попытки воздух, наконец, смог достичь его голосовых связок.

– Одну минуту. Я позову консула.

По комнате прошелестел лёгкий порыв ветра, свидетельствующий о том, что чиновник покинул её, уносясь в объятья пьянящей надежды перевалить возникшую проблему на плечи вышестоящего начальства.

Плечи вышестоящего начальства и вправду оказались заметно крепче. Консул принял меня в собственном кабинете с подчёркнутой вежливостью, но вместе с тем и без нервоз-

ности, суеты и тенденции впадать в паралич, при одной мысли о масштабах вовлечённых в события фигур. Он был немолодым, полным и даже щеголеватым мужчиной в отлично подогнанном по фигуре кителе, с набриолиненной причёской и аккуратными усиками. Солидным, вальяжным и полным чувства собственного достоинства.

– Присаживайтесь, – он широким жестом указал на шоколадно-коричневое кожаное кресло перед по-спартански простым и по-американски огромным письменным столом, инкрустированным ореховым капом, – кофе, чай?

О специфике центральноазиатских чаёв я был наслышан, и видимо это отразилось на моём лице.

Нет, калмыцкий мы обычно гостям не подаём, – улыбнулся хозяин, – вам русский или английский?

Вспомнив обстоятельства, приведшие меня сюда, я остановился на русском варианте.

Консул ещё раз прочёл бумаги. Или сделал вид, что это делает, – я был уверен, что он их прочитал ещё пока я ждал в приёмной.

– Я так понимаю, вам уже доводилось встречаться с её величеством, – наконец поинтересовался он, откладывая документы.

– Тогда она ещё им не была. В смысле величеством.

– Я в курсе, господин Бронн. В нашей стране все наслышаны о славной юности и отважных путешествиях государыни.

Молодой чиновник снова возник в кабинете, на этот раз

с уставленным фарфоровыми чашечками подносом. Чашечки едва заметно дрожали, покрывая рябью, наполнявшую их ароматную янтарно-оранжевую жидкость.

– Уверен, что смогу оказать её величеству должную помощь и ныне, – добавил я для надёжности.

– Без сомнений. Её высочество принцесса Санджирма в ближайшее время как раз должна вернуться из Шанхая, где она проходила обучение в университете, и ей определённо будет не лишним продолжить учебный процесс ещё и дома, – предельно вежливо кивнул консул, всем своим видом намекая на полную абсурдность и нелогичность данной ситуации.

– Боюсь, что я не в курсе, что именно подтолкнуло её величество к данному решению, – прохладно уточнил я, – но уверен, у неё были на то веские причины.

– Конечно же, – утвердительно взмахнул чашечкой консул, – я лишь скромный чиновник, и что я могу знать о планах их величеств. Ещё дольку лимона?

– Нет, спасибо.

– Как скажете, кстати, – по-прежнему сохраняя выражение наивности на лице, поинтересовался консул, – вы в курсе последних политических событий в нашей благоосенённой стране?

– Честно говоря, я довольно мало интересуюсь политикой, – совершенно искренне заверил его я.

– Понятно. Вы же учёный. Но мне, увы, по роду службы приходится наблюдать её постоянно. Вам известно такое вы-

ражение «между молотом и наковальней»? Думаю, что да. Так вот Джунгарию окружают множество молотов и наковален. И скажу я вам, очень тяжёлых молотов, и очень прочных наковален.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.